

Экипаж, судя по всему, покинул окрестности Шэнцзина в ту же ночь и взял курс напрямик на север. Спустя несколько дней похититель переодел меня в женское платье и, ничуть не таясь, пересёк границу, успешно «вывезя контрабандой» из Восточной Мин наследника титула Государственного наставника.

Лишь когда мы оказались на землях Северной Вэй, он соизволил раскрыть карты. Его звали Бэйчэнь Юнь, и он был единственным младшим братом правителя Бэйчэнь Сяо — великим князем Юнем.

Услышав это, я чуть не лишился чувств от ярости. Северная Вэй... Что ж, на этот раз вы по-крупному перешли мне дорогу. Одно дело — задеть Оу Сяна, и совсем другое — навлечь на себя гнев хозяина «Пристанища Феникса». У меня найдётся тысяча способов превратить вашу жизнь в кошмар. Перебирая в уме те немногие предприятия, что принадлежали мне в Северной Вэй, я медленно сплетал сеть грядущей мести. Бэйчэнь Юнь, значит? Прекрасно. Мы ещё посмотрим, кто кого.

Минуло полмесяца, и я наконец прибыл в логово этого высокопоставленного похитителя — в Яньцзин. Архитектура севера разительно отличалась от южной: строения здесь казались грубыми и простыми, но в то же время подавляли своим величием. Хоть мне и довелось созерцать местные красоты лишь из окна экипажа, я твёрдо решил, что при первой же возможности выберусь в город на прогулку. Мы добрались до усадьбы великого князя уже в сумерках. Ссылаясь на крайнюю усталость, я велел подготовить мне покои в отдельном флигеле и сразу отправился в постель.

— Ты действительно ничего не съешь? — В его голосе сквозило беспокойство. — Ты и в дороге почти не притрагивался к еде.

— Всё в порядке, — бросил я. — Хочу только спать.

Он оставил служанку присматривать за мной, наказав звать его по любому поводу, и удалился.

Сменив одежду, я улёгся, но первым же делом спровадил девчонку прочь. Некоторое время я лежал с закрытыми глазами, пока у самого изголовья не раздался едва уловимый звук. Только тогда я открыл глаза.

— Хозяин, вы в порядке?

— Вполне, — я присел на кровати и, глядя на своего кровавого стража, проследовавшего за мной до самой Северной Вэй, улыбнулся: — Тебе пришлось нелегко. Всё вышло так внезапно, что я и сам опешил.

— Ваш слуга не смог защитить господина. Прошу наказания.

— Поднимись. В этот раз ты не просто не виновен, ты заслужил награду. — Я протянул руку, помогая ему встать. — Как остальные братья в усадьбе? Есть потери? Ты один следовал за нами? Удалось связаться с домом?

— Хозяин, из восьми стражей вашей личной охраны шестеро были ранены. Лишь мы с Мо Лин находились достаточно далеко, и он нас не заметил. Он немедленно отправился к Императору и управляющему Суну, а я в одиночку следовал за вами до самого Яньцзина. Из-за внезапности нападения я не знаю, что случилось с другими отрядами. Прибыв в город, я первым делом связался с «Изящным теремом». Сейчас весть о том, что вы находитесь в усадьбе князя Юнь, уже должна быть на пути к «Пристанищу Феникса» и в императорский дворец.

— Ты отлично справился, Мо Фэй. Но теперь немедленно возвращайся в «Изящный терем» и передай несколько посланий. Первое — Императору. Сообщи, что мне ничто не угрожает, я лишь временно не могу уйти, но это никак не повлияет на наши планы. Пусть действует без оглядки на меня. Второе — Сун Нину. «Пристанище Феникса» временно переходит под его управление. В моё отсутствие он должен пристально следить за резиденцией Государственного наставника и немедленно прекратить любые торговые операции с севером. Третье — Мо Ли. Пусть глаз не спускает с того человека в камере пыток; ни единая весточка от него не должна уйти во внешний мир. И четвёртое — нашему гостю с севера. Скажи ему... просто скажи, что Бэйчэнь Юнь похитил меня и держит в своей усадьбе. Пусть немедленно возвращается в Яньцзин... спасать меня.

Я достал веер, который случайно захватил, покидая Сад Душистого Цветения, и протянул его стражу.

— На нём мой отпечаток, а подвеска послужит верительной грамотой. Передай вести через него и ступай отдыхать.

Проделать такой путь от Шэнцзина до Яньцзина... могу лишь представить, сколько лишений ему пришлось вынести. Сейчас отдых нужен ему больше всего. Раз уж дела обернулись так, буду считать это вынужденным отпуском.

— Но хозяин останется здесь совсем один...

— Со мной ничего не случится. Ты ведь видел, Бэйчэнь Юнь обходится со мной вполне учтиво.

— Он...

На лице Мо Фэя отразилось странное выражение. Разумеется, я понимал, о чём он думает. Этот князь Юнь просто польстился на мою внешность и утащил к себе — кто знает, на какие непотребства он способен? Я лишь снисходительно улыбнулся.

— Что, по-твоему, твой хозяин не способен за себя постоять?

— Ваш слуга не смеет так думать.

— Мо Фэй, это приказ. Исполни поручение и отдыхай в «Изящном тереме». Я дам знать, если ты мне понадобишься.

— Слушаюсь.

Он бесследно исчез в распахнутом окне, а я снова устроился поудобнее, чтобы досмотреть сны. «Изящный терем» был штабом «Пристанища Феникса» в Северной Вэй; в основном они торговали драгоценностями, но под их началом были ещё восемь лавок — трактиры, постоянные дворы, шёлковые мастерские, разбросанные по всему Яньцзину. Однако люди там работали исключительно «интеллектуального» склада — шпионы под личиной купцов. Среди них не было тех, кто обладал бы достаточным мастерством в боевых искусствах, чтобы заменить мне кровавого стража. Что ж, придётся полагаться на собственные силы.

Проснулся я, когда солнце уже стояло высоко. Не успел я закончить утренний туалет, как в покои ввалился сияющий Бэйчэнь Юнь. Он всё ещё был в тёмно-синем придворном халате — видать, примчался напрямик с аудиенции.

— Проснулся? Как спалось? Сяо Лю хорошо прислуживает? Не проголодался? Чего бы тебе хотелось отведать?

Служанка по имени Сяо Лю, помогавшая мне одеваться, не выдержала и прыснула в кулак, ничуть не заботясь о достоинстве господина:

— Ваше Высочество, вы задали столько вопросов разом, как молодому господину на них отвечать?

— А? Ха-ха... И то верно...

Этот князь Юнь был существом прелюбопытным. Едва мы прибыли, он выстроил передо мной целую ораву слуг для знакомства, и тогда я понял: со вкусом на имена у него беда. Личных служанок он звал по цветам — Сяо Хун, Сяо Лю, Сяо Хуан, Сяо Бай: целая радуга. Телохранителей же и вовсе по номерам: Первый, Второй, Третий... Атмосфера в этой странной усадьбе была на удивление живой и непринуждённой, и, судя по всему, виной тому был сам непутёвый хозяин. Из всех знакомых мне князей — а их было двое: Дунфан Чэньцзюнь и Бэйчэнь Юнь — оба были, мягко говоря, не в себе.

— Только встал, спал крепко. Люцзуй прислуживает отменно, благодарю Ваше Высочество за заботу.

— О... э-э... Люцзуй?

Служанка, которую раньше звали Сяо Лю, улыбнулась:

— Это новое имя, господин даровал его мне вчера. Ваше Высочество, не в обиду вашей преданности будет сказано, но оно во сто крат лучше вашего. Прислуживать такому человеку — истинное благословение. Сяо Хун и остальные лопнут от зависти, когда узнают.

Вообще-то, переименовывать чужих слуг — дурной тон, но я не собирался потакать отсутствию фантазии князя и откликаться на столь нелепые прозвища.

— Ого, не прошло и ночи, а ты уже поёшь ему дифирамбы. Послушай, Цинмин, откуда в тебе это очарование? Боюсь, не пройдёт и пары дней, как все мои люди перебегут на твою сторону.

— Ваше Высочество шутит, у меня нет таких талантов.

Закончив с одеждой, я сел перед зеркалом, позволяя Люцзуй заняться моими волосами. В отражении замер человек в алом одеянии; чёрные пряди свободно рассыпались по плечам. Несмотря на некоторую бледность, это лицо всё ещё оставалось самым прекрасным из всех, что мне доводилось видеть. Бэйчэнь Юнь в пути накупил мне ворох обнов, но все они были кричаще-красными... Казалось, ему доставляет особое удовольствие видеть меня в цвете, который даже для свадьбы показался бы излишне ярким. Сочетание кроваво-красного шёлка и мертвенно-бледной кожи... встретить меня кто в полночь — помер бы от ужаса. Бог весть, что творится в голове у этого князя.

От этих мыслей я невольно усмехнулся. Он какое-то время любовался мной, а затем забрал гребень из рук Люцзуй.

— Я сам. Сяо... Люцзуй, сходи за едой. Принеси побольше, я и сам проголодался как волк.

Служанка ушла. Я слегка повернул голову:

— Не стоит утруждать Ваше Высочество.

— Ну я же просил, зови меня просто Юнь. — Он продолжал расчёсывать мои волосы. Мне, пришельцу из другого мира, были чужды эти церемонии, но для местных жителей подобная близость значила многое. Князь казался открытым и весёлым, но чем дольше мы были вместе, тем больше странностей я замечал в его поведении.

Если он и был добр ко мне, то лишь из-за моей внешности. Однако его поступки всё чаще выходили за рамки обычного интереса сластолюбца к красивой игрушке, приобретая черты близости, свойственной скорее любовникам. При этом в его глазах я не видел ни глубокой привязанности, ни истинной любви. Стоило мне поймать его взгляд, как он нарочито небрежно отводил глаза, но я успевал заметить промелькнувшую в их глубине тень.

Это разожгло моё любопытство. Я решил и дальше прикидываться «высокородным, утончённым наложником, всё ещё хранящим верность бывшему возлюбленному (Дунфан Вэйцзюню)», чтобы выяснить, какую игру он ведёт.

— Поедим и сходим погулять. Куда бы ты хотел, Цинмин?

— Полагаюсь на вкус Вашего Высочества.

— Ну вот, опять ты за своё. Неужели тебе совсем ничего не интересно? Может, ты слышал в Восточной Мин, что в Северной Вэй есть какие-то особенные места, или пейзажи дивной красоты, или лакомства заморские?

— А что толку желать чего-то? Золотая канарейка в клетке не помышляет о полёте, даже если хозяин сам распахнёт дверцу.

Его рука на миг замерла, и он произнёс севшим голосом:

— Ты свободен.

Я лишь холодно усмехнулся:

— Просто сменил одну клетку на другую. Какая уж тут свобода?

Он отложил гребень и долго всматривался в моё тусклое отражение в бронзовом зеркале.

— По-твоему, мы с Дунфан Вэйцзюнем одинаковы?

— Нет, вы разные, — улыбнулся я. — Рядом с ним я был по собственной воле. А ты...

Договаривать не потребовалось — умному достаточно и намёка. Бэйчэнь Юнь был человеком неглупым; он на мгновение изменился в лице, а затем молча продолжил расчёсывать мне волосы.

Неловкую тишину прервало возвращение Люцзуй. Увидев, что мои волосы всё в том же беспорядке, что и до её ухода, она со смешком забрала гребень у князя и ловко уложила пряди. Мы ели в полном молчании; даже смышлённая девчонка почувствовала неладное и поспешила ретироваться.

После тягостного завтрака он увидел, что у меня нет настроения выходить в город, и не стал настаивать. Пообещал, что выведет меня на прогулку через пару дней, когда я привыкну к новому месту, наказал Люцзуй почаще гулять со мной по усадьбе и рассказывать о нравах

Северной Вэй, после чего ушёл, явно пребывая в дурном расположении духа. Впрочем, я успел заметить, как он тайком наблюдал за мной из тени коридора. Тогда я позволил лицу расслабиться и весело заболтал с ней обо всём на свете. Детская, мелочная месть, но пока я ещё не растерял остатки юношеского задора, буду пользоваться такими приёмами без зазрения совести.

Так, в странном напряжении и неловкости, прошли ещё полмесяца. Он лишь заглядывал ко мне поболтать — вернее, говорил в основном он, а я слушал, если это вообще можно назвать беседой. В остальном же он вёл себя на удивление сдержанно; в нём трудно было узнать того «похитителя сердец», что украл меня, прельстившись красотой. Впрочем, оно и понятно: великий князь наверняка видел немало красавцев на своём веку, с чего бы ему долго возиться с тем, кто вечно капризничает?

Я понемногу успокоился и начал поддерживать диалог. Говорил он много, и за этими речами скрывался недюжинный ум. Он часто травил байки о своих странствиях, рассказывал о людях и обычаях разных земель; его знания были живыми, добытыми в пути, а не вычитанными из сухих свитков. Не будь я его пленником, мы могли бы стать добрыми друзьями.

Впрочем, у слова «дружба» бывает множество смыслов.

Спустя несколько дней я осторожно обмолвился, что не прочь бы и прогуляться. Он пришёл в неописуемый восторг и тут же помчался на конюшню, откуда вывел угольно-чёрного коня. Едва я увидел этого зверя с пылающим взором, тонкой шеей и сухими, длинными ногами, чья кожа была настолько тонкой, что на солнце отливала кровавым блеском, я оживился. Купеческая натура мгновенно почуяла запах огромных денег.

— Ахалтекинец! Небесный конь!

Я принялся осматривать зубы, копыта, ощупывать крепкие мышцы. Пусть я не был великим знатоком, но ценность этого скакуна видел отчётливо. Всё-таки близость к западным землям давала Северной Вэй огромное преимущество — раздобыть такое сокровище! Интересно, здешний Запад похож на тот, что я помнил? Судя по породам животных, география и климат здесь диктовали свои условия точно так же.

Придя в себя, я обнаружил, что он наблюдает за мной с лукавой усмешкой. Чёрт, выдал свою истинную натуру... Я мысленно отвесил себе пощёчину и невозмутимо отстранился от коня, хотя взгляд то и дело возвращался к благородному животному.

— Нравится?

—... Да.

Я смущённо кивнул, гадая, не подарит ли он мне его, если я признаюсь в симпатии. Но тут же одёрнул себя: такой конь — редкость бесценная, с чего бы ему разбрасываться такими дарами?

— Теперь он твой.

— А?

Я на мгновение опешил. Неужели и впрямь — стоит только пожелать?! Я с подозрением воззрился на него:

— Даришь мне?

— Именно.

— Какая щедрость... Такому коню цены нет. И тебе не жаль?

— Если это тебя порадует, мне ничего не жаль.

— Не боишься, что я вскочу в седло и только меня и видели?

— Ты не сбежишь...

Не успел я опомниться, как он наклонился и коснулся моих губ лёгким, почти невесомым поцелуем. Я нахмурился, попытался отстраниться, но его ладонь властно легла мне на затылок, не давая пошевелиться. Совсем распоясался, видать, я слишком расслабился в последние дни. Почувствовав тепло его губ, я ощутил, как он углубляет поцелуй. Сопротивляться было бесполезно — силой он меня превосходил, так что пришлось смириться. Надо признать, целовался этот нахал со знанием дела...

Когда он наконец отстранился, он дерзко улыбнулся.

— Ну что, всё ещё хочешь бежать?

Я лишь смерил его тяжёлым взглядом:

— Мы едем или нет?

— Разумеется.

Он помог мне взобраться в седло, а затем запрыгнул сзади, прижавшись грудью к моей спине. Я недовольно дёрнулся, пытаюсь увеличить дистанцию, но он крепко удерживал меня в кольце своих рук. Делать нечего, пришлось подчиниться и сосредоточиться на скакуне под нами.

Покинув усадьбу, он выбрал безлюдную тропу и пустил коня мелкой рысью. Ахалтекинец шёл на диво легко, словно и не чувствовал веса двух взрослых мужчин. Раз уж мне выпала честь оседлать такую легенду, хотелось испытать её в деле. Я попросил прибавить ходу; он негромко рассмеялся и пришпорил коня, вырываясь на простор.

Вскоре мы достигли пастбищ. Пастухи, завидев Бэйчэнь Юня — вернее, узнав его коня, — отрывались от дел и приветственно махали руками. Похоже, народ его любил. Или, по крайней мере, уважал. Странно: великий князь пользуется такой популярностью у простых людей, и правитель Северной Вэй до сих пор не видит в этом угрозы?

Он останавливался, перекидывался парой фраз с пастухами, со знанием дела обсуждал вопросы, в которые знати обычно вникать не полагалось. Моё недоумение росло. Он либо совсем не смыслил в политических приличиях, либо ему было глубоко плевать на чужое мнение.

Попрощавшись с людьми, мы снова устремились вдаль.

— Тебе кажется это странным? — прошептал он мне на ухо. — Северная Вэй сильно отличается от тех трёх стран на континенте. Мы ближе к западным кочевьям. Здесь не жалуют хитроумных южан из Небесной династии, Западной Цзинь или Восточной Мин. В нашей семье нет места тем подлым интригам, к которым привык Дунфан Вэйцзюнь.

— Вот как. — Что ж, теперь понятно, почему шпионы «Пристанища Феникса» здесь пасуют. Придётся менять стратегию.

— Ну так что, здесь тебе нравится больше?

Я промолчал. Если бы он знал, что я не только помогаю Дунфан Вэйцзюню в его интригах, но и сам плету сети прямо у него под носом, как бы он на меня посмотрел? Небось, рот бы открыл от изумления.

От этой мысли я не сдержал смешка. Он сжал меня сильнее, он прижался щекой к моему плечу. Хотелось напомнить, что при верховой езде стоит смотреть вперёд, но на этих бескрайних равнинах, где нет ни души, столкнуться было просто не с кем. Да и этот «небесный конь» обладал собственным разумом, прекрасно зная дорогу.

Я решил оставить всё как есть, и мы скакали по степи до самого заката. Выносливость ахалтекинца поражала. Оставить это сокровище себе или продать за баснословные деньги? Или...

В вечерней прохладе мы наконец вернулись к воротам усадьбы. Полдня в седле дали о себе знать: я вымотался и проголодался. Мечтая о горячей ванне, ужине и долгой спячке, я переступил порог усадьбы князя Юня, но именно в этот момент началось самое интересное.

<http://bllate.org/book/17477/1696055>